

«ТЫ ДЛЯ ТОГО ЛИШЬ И ПРИШЁЛ В НАШ МИР, ЧТОБЫ В СВОЁМ НАРОДЕ СТАТЬ ПОЭТОМ»

к 120-летию
со дня рождения
Хасана Туфана

9 ДЕКАБРЯ исполняется 120 лет со дня рождения татарского поэта Хасана Туфана. Родившись на рубеже XX и XXI веков, Хасан Туфан прожил долгую, полную драматических коллизий жизнь. Заявивший о себе в 1920-е годы как поэт-новатор, последователь школы В. Маяковского, в 1940-м он был арестован по надуманному обвинению (по статье 58-2) и почти на два десятилетия отлучён от читателя. Непростым было и возвращение Хасана Туфана в литературу после заключения. Первый после ссылки сборник поэта на татарском языке увидел свет в 1958 году после того, как в издательстве «Советский писатель» вышла книга с русскоязычными переводами его стихов. Один из переводчиков – Рувим Моран – на долгие годы стал другом Х. Туфана, открывшим мир его поэзии советскому читателю.

В Центре письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ в фонде Хасана Туфана хранятся адресованные татарскому поэту письма Рувима Морана (Ф. 133, оп. 3, д. 336). Они разного содержания. Большинство из них – по поводу издания переводов сочинений Х. Туфана в различных московских издательствах и журналах. Несмотря на то что написаны они по деловым вопросам,

в письмах много личного, свидетельствующего о дружеских чувствах переводчика к татарскому поэту.

В канун памятной даты редакция «Казанского альманаха» публикует несколько из этих писем (всего в фонде хранится 31 письмо). В скором будущем эти письма и другие материалы, хранящиеся в ЦПИМН ИЯЛИ АН РТ, будут доступны широкой читательской аудитории на сайте «Miras-info». В Центре ведётся боль-

шая работа по оцифровке архивных материалов и их размещению в сети Интернет в свободном доступе.

Письма подготовил к публикации и прокомментировал кандидат филологических наук, заведующий отделом текстологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ **Марсель Ибрагимов**. Печатаются они с сокращениями, с сохранением авторской пунктуации.

Письмо Рувима Морана Хасану Туфану от 29 июня 1957 года

Дорогой Хасан!

Я уехал за город работать над Вашими же стихами сразу же после отъезда товарищей в Казань. Думал увидеть Вас на вокзале, но там Вас не было. Вы не позвонили тоже, пока находились в Москве, а я хотел скорее приступить к делу...

(...) Теперь что касается моей части переводов. Работаю все время напряженно и с увлечением. Много получается очень хорошо, как, например, о Моабите. Я уже перевел несколько сот строк, и как только перепечатаю – вышлю Вам.*

*Но Вы, дорогой мой, не выполняете своих обязательств. Вы должны были сейчас же по приезде послать мне оригиналы «Уральских эскизов»** и цикла «Клятва»***, а я до сих пор ничего не получил...*

(...) Я думаю, что к концу июля Вам бы неплохо приехать в Москву, чтобы на месте разрешить все вопросы. Вы ведь сами знаете, что в связи с Вашей книгой может возникнуть много осложнений. Я стараюсь в процессе работы делать ясными наиболее спорные моменты, но сейчас, когда постепенно вырисовывается лицо книги, ее атмосфера, уже видно, что для того, чтобы не свести книгу к ряду плоских, бесцветных, нужна будет борьба – умная, доказательная. А книга будет хорошей, яркой, необычной и за нее стоит бороться!

Простите за требовательный и резкий тон письма – Ваша книга стала моей, я очень с ней сроднился и мне нужно все сделать вовремя и хорошо.

(...) Как у Вас дела с поэмой? Если она готова – вышлите немедленно, очень хорошо было бы ее включить – мы бы успели.

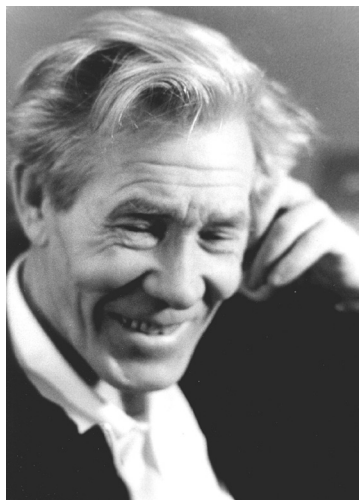
Обнимаю Вас и жду.

Ваш Рувим Моран.

* Стихотворение Х. Туфана «Моабитны күрдем төшемдә» (1947). В переводе Р. Морана – «Моабит мне приснился».

** Поэма Х. Туфана «Урал эскизлары» (1926).

*** Стихотворный цикл «Ант» («Клятва», 1935), ставший одним из оснований для возбуждения против Х. Туфана уголовного дела. Двумя из трёх специально создававшихся в рамках уголовного расследования для комиссий он был признан контрреволюционным.

Хасан
Туфан

Рувим
Моран

Письмо Рувима Морана Хасану Туфану от 4 ноября 1967 года

Дорогой Хасан!

Если б ты только знал сколько с редактором – Любовью Константиновной Осиповой, умной и прелестной душевной молодой женщиной – мы крови проливаем в борьбе за целостность твоей книжки! Вчера ночью говорил с тобой, а сегодня утром уже опять сражался с зав. отделом Марусичем, замещающим (и подсиживающим) Лебедеву. Это упрямый и скользкий, как уж, человек, к тому же непереносимо многословный, который твердит одно – никакого намека на «тюремную тему». Увы, он не автор этой «линии», но ее ревностный проводник.

(...) Но тут началась война с Марусичем. Он с Осиповой вообще не в ладах и обвиняет, что она протаскивает «тюремные стихи». Особенно резко он против «Моабита», а теперь и «Чьи руки теплее» (то, что оно недавно напечатано в «Дружбе народов» для него не аргумент).*

(...) Он, главное, озабочен тем, чтобы мотивы грусти, печали, одиночества не были связаны с заключением. Предложил, чтобы в автобиографии написать «потом поселился в Сибири» или «долго жил в Сибири» – тогда, как он считает, все эти мотивы смерти, печали будут обычными, не «политическими» несчастьями. Благодаря этому мы пока сговорились на таких поправках:

* Стихотворение Х. Туфана «Кайсыгызның кулы жылы» (1956).

В «Солнечном»*

Там, где было:

Вот и сюда,
На пустырь, тайгою окруженный,
Ржавую колючкой огражденный,
В наш барак, угрюмый, как нора

Я переделал:

Вот и сюда,
В глухомань, в таежный наш поселок,
Где от пихт рассветный сумрак долог,
В угол мой угрюмый, как нора, и т. д.

В «Говорящей материи»**:

Вместо:

А я... Как далеко с любимой разошлись мы!
И почему-то никогда
Не могут от нее ни весточки, ни письма
Дойти сюда...

Переделал:

И почему-то никогда
Она мне весточек не шлет и письма
Не пишет мне сюда...

(...) *Итог такой: Сняты «Капли»***, снимаются «Моабит» и «Чьи руки теплее» и сделано несколько поправок. В общем потери количественно не так уж велики и я думаю с ними можно будет смириться... С «Моабитом» и «Чьи руки теплее» пойдем в главную редакцию – пусть разрешают спор (буду говорить, что автор и переводчик настаивают на помещении этих стихов). Я думаю, что это почти бесполезно – там заодно с Марусичем, но попытаться надо. А если уж не получится ничего – придется оставить, как есть.*

(...) *В твоей автобиографии, подробности твоего периода з/к (заключения. – М. И.), конечно вылетели, видимо Осипова нашла какие-то слова. А Марусич говорит: об этом периоде надо писать, как теперь пишут в некрологах. Помоему, это значит не говорить ни слова, умалчивать вчистую.*

Вот дорогой мой каковы дела. Тебе хорошо, ты себе сидишь в Казани, а мне после борьбы с тобой (чтобы ты наконец взялся за книгу и не тянул!) придется теперь драться с марусичами. Но чего не сделаешь ради друга, а главное ради правды в поэзии!

Будем надеяться, что все это останется позади и выйдет книга, в которой с водою не выплеснули ребенка.

*Привет Меджие и Гуле**** от нашей семьи.*

Будь здоров, напиши мне, не поленись.

Твой Рувим Моран.

* Лирическая поэма Х. Туфана «Кояшлы» (1947).

** Стихотворение Х. Туфана «Сцили торган материя» (1953).

*** Стихотворение Х. Туфана «Тамчылар ни дилэр» (1957).

**** Племянница и дочь Х. Туфана .

**Письмо Рувима Морана Хасану Туфану
от 20 сентября 1978 года**

Дорогой Хасан!

Я был глубоко растроган звонком Мэри и Вашим поздравлением, и тем, что ты помнишь мою дату. Большой, большой Вам зур рахмат!

Вот уж и я переваливаю за 70-летний рубеж, а наша дружба – за двадцатилетний. Мы с Иллой часто вспоминаем тебя, твою детскую улыбку, твой человеческий талант обвораживать при первой же встрече. И при первой же нашей встрече на бумаге мы сразу прикипели друг к другу, сразу сроднились строка за строкой, слово за словом. И так жаль, что так редко в последние годы видимся с тобой. Я сам никак не выберусь в Казань, а татары сами не зовут...*

Мы так тебя любим, так желаем тебе здоровья и ясной головы, и вдохновения.

Помнишь как Маяковский сказал Пушкину:

Я даже ямбом подсюсюкнул,
Чтоб только быть приятней
Вам!

А я пишу твоими любимыми зелеными чернилами, чтобы быть приятнее тебе.

Обнимаю тебя! Самые горячие чувства от Иллы Михайловны.

Не теряю надежду на встречу.

Твой Рувим.

Марсель Ибрагимов

«Заговорили ивы по-татарски...»

Шесть лет назад редакцией «Казанского альманаха» был организован конкурс художественного перевода: участникам конкурса предлагалось перевести на русский язык стихотворение Хасана Туфана «Агыла да болыт, агыла» («Плывут и плывут облака»). Выбор понятен. Стихотворение, написанное поэтом в далёкой ссылке, глубоко лично, проникновенно, и недаром оно стало песней. Возможно, не последнюю роль в этом выборе сыграла его форма: каждая из шести строф – кольцевое пятистишие. По своему строению оно чем-то напоминает знаменитое есенинское «Шаганэ ты моя, Шаганэ!» с той разницей, что у Есенина стихотворение строится как венок строф (наподобие венка сонетов) – каждая строфа, начиная со второй, обрамляется строками первой строфы.

Вряд ли Туфан позаимствовал эту стихотворную форму из «Персидских мотивов», хотя он и перевёл есенинское стихотворение на татарский язык (в переводе Х. Туфана оно опубликовано в журнале «Казан утлары» в 1975 году, № 8). «Плывут и плывут облака» были написаны раньше – в 1951-м. Ещё раньше такими же пятистишиями написаны «Хэят» («Жизнь», 1942), «Бу соңгы таңы аның» («Его последняя заря», 1943), «Илдә ниләр бар икән?» («А как там на родине?», 1944),

* Супруга Рувима Морана – Илла Михайловна Боруцкая.

«Иртәләр житте исә» («Когда на дворе рассветает», 1944). Все эти стихотворения создавались вдали от своего дома в период десятилетнего заключения поэта в лагерях ГУЛАГа.

В истории татарской поэзии пятистишия Х. Туфана – один из примеров фамильной строфы (наподобие алкеевой строфы в античной поэзии или онегинской – в русской). Она редко встречается в творчестве других татарских поэтов: отдельные стихотворения с таким строением есть у Ахмета Файзи, Сибгата Хакима.

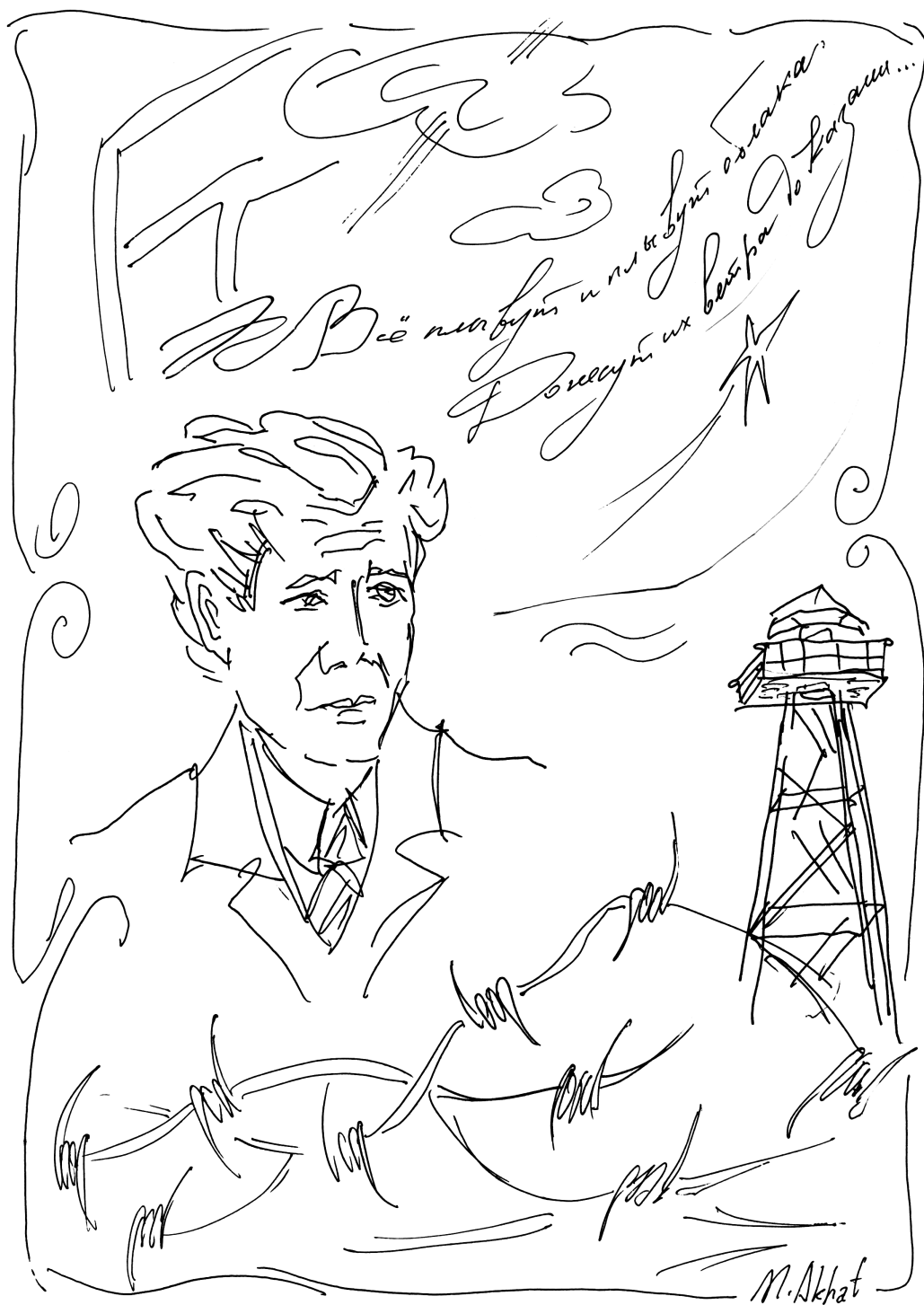
Поиск новых форм стиха – одна из отличительных особенностей поэзии Хасана Туфана. В конце 1920-х годов он выступает за обновление татарского стиха, активное внедрение в татарскую поэзию декламационного стихотворчества. Это сближает его с Х. Такташем, А. Кутуем, К. Наджами – поэтами-авангардистами, ратовавшими за создание новой поэзии. В своих написанных в это время статьях Х. Туфан называет приверженцев традиций восточной поэзии словом ӘБИЗМ – аббревиатура (әдәбиятта борынгылыкка иярүче законнар мәктәбе – школа последователей законов старины в литературе), созвучная татарскому «әби» (бабушка).

Увлечение «левыми» теориями было у Хасана Туфана непродолжительным. В конце 1920-х – начале 1930-х годов в его поэзии открывается потенциал татарского фольклора и восточной поэтики. Выпускник известного во всём татарском мире уфимского медресе «Галия», Х. Туфан, безусловно, хорошо знал восточную поэзию. В немалой степени этому поспособствовал учившийся вместе с ним Ш. Бабич, который организовал в медресе тайный литературный кружок. По воспоминаниям Х. Туфана, во время ночных заседаний этого кружка Ш. Бабич знакомил его участников с переведёнными на турецкий язык французскими книгами, рассказывал о гипнотизме, но, самое главное, каждое такое заседание завершалось беседами о восточной поэзии. Хорошо знавший её Ш. Бабич, по признанию самого Х. Туфана, открывал для шакирдов творчество Омара Хайяма, Ибн Фараби, Ибн Сины, Фирдоуси, Хафиза, Низами. Нельзя забывать и о другом учителе Х. Туфана – преподававшем в те годы в «Галия» Галимджане Ибрагимове, благодаря которому шакирд медресе стал задумываться о литературном поприще.

С поэзией Востока Хасан Туфан знакомится и во время своего путешествия по Кавказу и Средней Азии в конце 1920-х годов: он собирает фольклор, встречается с ашугами и акынами, находит и переписывает тюркоязычные переводы стихов Хайяма. В Баку в одной из библиотек татарский поэт случайно наткнулся на первый изданный в Казани сборник своих стихов – «Туфан шигырьләре» («Стихи Туфана»). По признанию самого Туфана, увидев его, он не испытал радостных чувств. Не только потому, что в нём было много юношеских, незрелых стихов – изменилось само отношение поэта к стиху. Тонический, декламационный стих, которым испытывавший влияние Лефа поэт был увлечён в первой половине 1920-х годов, кажется ему теперь менее поэтичным, нежели традиционный, мелодичный. «Что осталось бы от величайшего из эпосов мира – «Манаса» – будь он написан свободным стихом?», – задаётся вопросом Х. Туфан.

Восток был не только одной из тем поэзии Хасана Туфана: ему была близка натурфилософия восточных поэтов, прежде всего О. Хайяма. Рубаи О. Хайяма, ставшие известными европейскому читателю благодаря переводам Эдварда Фитцджеральда, долгое время интерпретировались как один из примеров материалистического мировоззрения. Во многих вольных переводах на русский язык (больши́нство из них было сделано с европейских переводов) О. Хайям предстаёт как поэт-гедонист: обязательными в таких переводах становятся мотивы опьянения, любовного наслаждения. Приведу один любопытный пример. В 1908 году А. Луначарский в «Очерках по философии марксизма» в статье «Атеизм» опубликовал 12 четверостиший О. Хайяма в переводе с итальянского языка. Вот один из его переводов:

140

Наш мир – фонарь волшебный, мне сдаётся,
И солнце служит фонарю огнём:
Мы тени. Бог же смотрит и смеётся
На карлов пьяных грёзой и вином.

Его точный перевод выглядит так:

Этот мир, в котором блуждаем мы,
Можно уподобить волшебному фонарю:
Солнце – это светильник, а мир – фонарь,
Мы же – картинки, которые кружатся в нём.

Конечно, не все переводчики подобным образом интерпретировали Омара Хайяма. Его рубаи существуют в русской поэзии во множестве переводов, многие из которых оказываются близки смыслу переводимых стихов. Это, например, переводы Ивана Тхоржевского, издавшего в 1928 году в Париже книгу своих переводов восточного поэта.

Вместе с тем мировоззрение О. Хайяма не сводимо к материализму. Востоковед-иранист, профессор Петербургского университета В. А. Жуковский в своей работе «Омар Хайям и странствующие четверостишия» (1897), характеризуя восточного учёного, философа, писал о созерцательном начале в его поэзии. Известно, что созерцание – одна из категорий философии суфизма. Суфийский деятель Мансур Халладж утверждал, что человек, который ни на мгновение не забывает о присутствии Бога в окружающем мире, в конце концов приходит к тому, что утрачивает свои индивидуальные человеческие качества и погружается в созерцание Божественности. Мотив вина в творчестве О. Хайяма в таком случае можно рассматривать и как экстатическое опьянение, которое позволяет поэту-суфию высвиться до созерцания божественной сущности мира.

Можно предположить, что эта составляющая мировоззрения О. Хайяма была не менее интересна для Х. Туфана. А учитывая, что мир восточной поэзии первым для него открыл Ш. Бабич, поэт, который сам испытывал влияние суфизма, такое предположение не кажется маловероятным.

Х. Туфан не только переводил рубаи О. Хайяма, но и сам пробовал себя в этом жанре восточной поэзии. Среди его рубаи есть и посвящённое одному из своих любимых восточных поэтов:

Чын фэлсәфи чатыр тегә иде Хәйям,
Кетмәгән зур гамь утында көйде Хәйям,
Гомеренең чатыр бавын кисеп әжәл
Сатып алды аның үзен нинди арзан...

Подлинный философский шатёр шил Хайям,
В нежданном огне печали горел Хайям,
Смерть, перерезав верёвку шатра,
Забрала его (Хайяма) за бесценнок

(Подстрочный перевод)

Русскоязычному читателю имя Хасана Туфана впервые стало известно в 1930 году. В «Альманахе татарской литературы» под редакцией А. Фадеева и Э. Багрицкого была опубликована его поэма «Уральские эскизы». Следующей публикации на русском пришлось ждать 27 лет: в изданную в 1957 году «Антологию татарской поэзии» вошло 15 стихотворений поэта, написанных в разные годы. Спустя год, в 1958 году, в «Советском писателе» выходит в свет сборник стихотворений Х. Туфана с переводами Рувима Морана и Леонида Хаустова. Этот сборник сыграл важную роль и в возвращении Хасана Туфана татарскому читателю. Ещё будучи в ссылке (после отбывания десятилетнего заключения Х. Туфан по приговору

суда был определён на вечное поселение в деревню Покровка Устарского района Новосибирской области) Х. Туфан к одному из писем Габдрахману Минскому прикрепляет несколько своих стихотворений в надежде, что они могут быть опубликованы.

Однако возвращение Туфана в литературу не было скорым. Да, отдельные стихи поэта начали появляться в татарской периодике вскоре после его возвращения в Казань летом 1956 года (23 августа он был вновь принят в члены Союза писателей), но отдельной книги стихов у поэта ещё не было, не считая изданную в 1929 году. Издание в 1958 году «Советском писателе» книги стихов заметно ускорило выход сборника стихов Х. Туфана на татарском языке. Он увидел свет в том же 1958 году под названием «Жырлар, шигырьләр» («Песни, стихи»).

Дружеским отношениям между Хасаном Туфаном и Рувимом Мораном способствовало и сходство их судеб. Р. Моран тоже был узником ГУЛАГа, правда, случилось это уже после войны, в 1948 году – поэт и переводчик был арестован по делу Еврейского антифашистского комитета и семь лет провёл в лагерях. От других переводчиков с татарского его отличала тяга к познанию языка, его мелодики, интонации. Во многих своих письмах он просит Хасана Туфана прислать ему оригиналы стихотворений, подчёркивая, что ему важно уловить не передаваемые подстрочниками особенности ритма. Очевидно, языковой восприимчивости Р. Морана поспособствовали детские и юношеские годы, проведённые в многоязыкой Одессе, где он вырос, слушая русскую, еврейскую, болгарскую, молдавскую речь.

На семидесятилетие своего друга Р. Моран прислал поздравление в стихах. Автор стихотворения нашёл простые слова, чтобы выразить внутреннюю сущность Хасана Туфана, его жизненное предназначение – быть поэтом.

Другу Хасану в декабре 1970

Почти пятнадцать лет тому назад
Со мной, как ты, ожившим после встряски,
Заговорили ивы по-татарски;
И то был голос твой, мой друг, мой брат,
Или как звал тебя Такташ – брамат...

Ты был бродягой – вольным и невольным,
Но странствовал не праздно: в жизнь влюблен.
Твой стих и знойным югом прокален,
И напоен таежным духом хвойным.

Кузнец и плотник, токарь и шакирд,
Старатель и учитель, но при этом –
Ты для того лишь и пришел в наш мир,
Чтобы в своем народе быть поэтом.

Ты смерти ждал, ты ей в глаза глядел,
Но не ронял Тукая светоч ясный,
И вновь зовет среди житейских дел:
«И туган тел, и матур тел» –
«О мой родной язык, язык прекрасный!»

Хранит сибирский иней голова
И сердце может подвести нежданно,
Но странно, дико слышать нам слова:
«Семидесятилетие Туфана».

Не верим мы, не веришь ты и сам,
Наш старый друг, наш молодой Хасан!

